

Вадим Левенталь

Родился в 1981 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет СПбГУ. Работал в издательстве «Лимбус Пресс». Награждён премией «Национальный бестселлер», Григорьевской премией и пр. Писал для «Известий», «Частного корреспондента», «Санкт-Петербургских ведомостей», RT и др. изданий. Автор книг: «Маша Регина», «Комната страха», «Мой секс» (в соавторстве). В настоящее время как публицист и критик публикуется в «Литературной газете» и на портале «Наши Новости».

Игра в косметику

Тут все смотрели «Игру в кальмара», ну и я тоже посмотрел. Даже оправдываться не буду — посмотрел и посмотрел. А потом вдруг вспомнил инсталляцию, которую я видел в Сеуле, в музее современного искусства. В отдельном затенённом зале было установлено несколько десятков автоматов, Калашникова или других каких, я в этом не разбираюсь, да и не важно. Они были установлены на этих хитрых механизмах, тоже как бы автоматах, только в другом смысле. Раз в пару минут автоматы переворачивались дулом вверх, и у них передёргивались затворы. В полной тишине. А потом переворачивались обратно. В общем, контемпорари и контемпорари, такого сто пятьсот по всему миру. Рождалось тревожное чувство. Что там было написано в сопроводительной бумажке, я не помню, не помню даже, стал ли я читать, но представить несложно — идеал военной машины, живые солдаты заменены автоматами, и автоматы управляют автоматами, выполняют строевые команды и готовы, если допилить программу, начать стрелять по людям.

В общем, ничего сверхъестественного, мысль проста как три рубля, все эти инсталляции вообще не предназначены для передачи сложных мыслей, ну или мне просто не везло. Ужас цивилизации перед социальной машиной, вышедшей за границы слишком человеческого, Хайдеггер, все дела. Ну и в сериале этом примерно та же херня, я не о том, я просто к тому, что вдруг вспомнил Сеул.

Я там оказался на несколько дней, пригласили поучаствовать в конференции, ещё в доковидную эпоху — представить только, можно было запросто сесть на самолёт и полететь в Корею. Не знаю, как сейчас, тогда даже виза была не нужна, просто на границе ставили штампик — и гуляй.

Про конференцию нечего и рассказывать, о корейской литературе я, увы, знал столько же, сколько, допустим, о чилийской, — то есть знал ровно одного автора. Небольшой памятник Пак Кён Ри стоял во дворе филфака, я с ним рядом иногда курил. Выяснилось, что она автор семейной саги на восемьдесят романов — такие корейские Ругон-Маккары. На моё счастье на русский был переведён только первый, его-то я перед вылетом и прочитал. В общем, всё, что я мог, — это улыбаться и махать говорить всякое про важность взаимодействия культур. Очевидно, меня пригласили по недоразумению, но я как мог изображал эксперта. Боюсь, я сам толком не понимал, каким именно экспертом меня хотят видеть, так что получалось, вероятно, плохо, но мне очень не хотелось подставлять организаторов. Я испытывал к ним безграничную благодарность — когда бы я ещё оказался в Сеуле?

Меня поселили в гостинице рядом с автовокзалом: под окнами копошились автобусы. В первый вечер я просто немного погулял вокруг, потом вернулся в номер и стал гуглить. Мне нужно было найти, где тут покупают косметику. Тогда почему-то считалось, что корейская косметика какая-то особенно волшебная, и у нас её ещё было мало. А мне хотелось привезти Тане сувениров и сделать ей сюрприз. Сам я в косметике ничего не понимал, но подумал, что на месте разберусь. Отметил себе на картах нужный район, написал Тане в мессенджере, что добрался нормально, что люблю и уже скучаю, закинул мелатонином и лёг спать, не дождавшись её ответа.

С Таней была удивительная история. Я вообще-то был влюблён в неё ещё на первом курсе. Она была ослепительно красива — армянская кровь, рыжие волосы-пружинки, вздёрнутый носик, кольцо в носу, — но кроме того у неё была ещё харизма восьмидесятого уровня: весёлая, общительная, шило в жопе; вокруг неё все время

хороводом крутилась компания каких-то золотых мальчиков и девочек. Мне вход в эту компанию был закрыт — я был не золотым, а очень нищим мальчиком. Посиделки в ресторанах и ночных клубах с фейсконтролем, разъезды на дорогих тачках и каникулы на Ибнице — все эти тусы-джусы были не для меня, так что мне ничего не оставалось, кроме как сидеть в библиотеке и уговаривать себя, что я выше всего этого. В общем, к Тане было не подступиться. Я не хочу сказать, что только в неё я и был влюблён, мальчику на первом курсе филфака такое не грозит, но какая-то заноза осталась.

А через десять лет мы вдруг пересеклись. Она успела побывать замужем за одним из золотых мальчиков и со скандалом, который обсуждал весь город, развестись, потом у неё был ещё кто-то, с кем она только что рассталась. Мы сходили выпить в «Шляпу», погуляли по Фонтанке, ну и, в общем, мечта первокурсника, пусть и через десять лет, сбылась. Таня тут же переехала ко мне, и мы строили планы. Всё произошло очень быстро, пара недель, а тут Сеул — короче говоря, я немножко летал на крылышках. Что она не ответила на сообщение — меня не парило; мы как-то сразу договорились, что оба не любители ежеминутных мимимишных переписок. Я так вообще старался слезть с интернет-зависимости и в рамках этой программы даже удалил с телефона все соцсети, оставил только один мессенджер. Да и разница во времени — она должна была быть ещё на работе.

Утром меня повезли на торжественное открытие, потом были какие-то заседания, а после обеда меня отпустили. Чтобы не кормить оператора связи, я отключил роуминг и ориентировался в городе по гугл-картам. Решил, что, если припрёт, буду заходить в кафе и ловить вайфай. Пост, что улетел на несколько дней, что буду вне доступа

и пишите на почту, если что, я повесил ещё вчера. Впрочем, я и в почту не собирался заглядывать. От Тани пришло сообщение, что, мол, люблю-целую, жду не дождусь.

Одним словом, после обеда я первым делом поехал в Кёнбоккун. Понятно, все мы презираем туристические макдональдсы, надо проникнуться атмосферой и стараться не быть туристом, бла-бла-бла, но я и тут исхожу из Хайдеггера — чтобы обнаружить истину, нужно сначала погрузиться в её несуть.

В Кёнбоккун были клёны и гинкго. Хочется сказать: цвели, хотя был октябрь, и я в душе не ебу, цветут они вообще или нет. Но клёны были красные, а гинкго — жёлтые. Ярко-красные и ярко-жёлтые, маленькие — издалека они казались цветочками, вблизи — пожарчиками. Под ними фотографировались девушки в национальных костюмах и с зонтиками. Национальное корейское платье подвывается чуть ли не под мышки, поэтому девушки выглядели как разноцветные — зелёные, белые, синие — колокольчики.

Хёйзинга пишет про средневековую Европу — что, мол, раскрашивали всё, до чего могли дотянуться, пока краска не кончится. В том смысле, что представление о благородстве и природной красоте некрашеного камня появилось примерно вместе с железными дорогами. Забавно, но и это, кажется, универсалия — нигде и никогда люди не любили унылые естественные цвета строительных материалов. Кёнбоккун был похож на гирлянду. По сути, он и был — гирляндой из дворцов, внутренних дворов, галерей, переходов, говоря по-нашему, — перистилей и гаремов. Всё из дерева и раскрашено красным, синим, жёлтым, зелёным, фиолетовым. Над дворцами синели в солнечном мареве горы. Игривые изгибы дворцовых крыш отражали форму гор.

Короче говоря, в Кёнбоккун мне очень понравилось, и какая, на хрен, разница, что все эти древности фейковые, а настоящие японцы сожгли, когда последний раз здесь гуляли.

Я впервые вообще был в Азии, всю эту архитектуру раньше видел только на картинках — ещё бы мне не понравилось. Как всякий туристический турист, я, конечно, думал о том, как буду потом рассказывать в Питере о том, что видел: «Кёнбоккун? Ну, это как Топкапы, только вокруг горы, а крыши как в “Доме летающих кинжалов”. Забавно, что люди в разных исторических и географических вселенных сочиняли одни и те же структуры жилья и административных комплексов. Топкапы? Ну, это османский дворцовый комплекс в Стамбуле...» И внутренний голос голосом собутыльника отвечал мне: «Хуёмплекс».

Из Кёнбоккун я пошёл пешком в Мьёнгдонг. Это как раз тот район, в котором, как мне пообещал «Гугл», будут магазины с косметикой. Был уже вечер, солнце стремительно закатывалось, а я хотел проверить, прав ли «Гугл». Прошёл через Намдэун, это такой рынок — шмотки, флажки, гвалт, в какой-то забегаловке на углу съел сашими — каждый раз забываю, что не так уж сильно я люблю всю эту морскую резину, — и подключился к вайфаю. От Тани висело сообщение — спрашивала, как у меня дела и как провожу время. Я отправил ей несколько фотографий из Кёнбоккун и сфоткал своё сашими. Я не хотел ей говорить, куда пришёл и чем занимаюсь. Какой же это будет сюрприз тогда? И кроме того, она ведь тогда начнёт говорить, что именно ей нужно. А мне хотелось купить именно целый чемодан всякой мелочи, чтобы она рылась в нём, перебирала баночки с коробочками и коробочки с баночками и говорила что-нибудь вроде «Вот об этом я давно мечтала» и «А это мне не подойдёт, подарю подружке». Деньги у меня были. Когда я вышел на

улицу, было уже совсем темно. Ну, то есть не было солнца, и город светился вывесками и рекламой.

Сеул и тут похож на Стамбул: галерея торговых центров, из одного переходишь в другой, оказываешься в следующем. Мьёнгдонг оказался одним из них — несколько улиц сеточкой, и за каждой прозрачной дверью светился аквариум магазинчика с улыбающимися девушками и пёстрыми полками тубиков и бутылочек — будто к ювелирному магазину приплюсовали кондитерскую лавку и поделили пополам. Меня всегда завораживал этот странный мир кремов, лаков, масок, пенки, помады и тушей — загадочный и женский *par excellence*. Проникнуть в него — будто проникнуть в женщину, и тут я чувствовал себя в нём с головой, никем не признанный, хитрый, незаконный. Никаких знакомых названий я не видел, хоть все вывески и были на английском. Я был шпион. Я бродил по сверкающим улочкам Мьёнгдонга, заходил наугад то в один магазин, то в другой, приценивался и улыбался сам себе, как будто спрятал от всех в кармане что-то вкусненькое.

Потом я вернулся в гостиницу. Я страшно устал: весь день на ногах, плюс джетлаг, впечатления. От Тани было сердечко и «скучаю». Я ответил, что тоже скучаю, и с удовольствием уснул.

Не бойтесь, я не Дима Данилов, каждый день описывать не буду. Я сидел на круглых столах, улыбался на групповых фотографиях, даже дал одно интервью местной газете, студенческой, как я понял, — корреспондентка по-английски не говорила, поэтому нам дали переводчика, но и мой-то спонтанный английский не то чтобы верх совершенства, так что, боюсь, студенты прочитали интервью с дебилом, — всё это в первой половине дня. А во второй, когда меня отпускали, я гулял по городу. Зашёл в музей современного искусства недалеко от

Кёнбоккун, решил, что на этом туристическая программа выполнена, и дальше просто шатался по улицам. Доехал до знаменитого Гэнгама, побродил между небоскрёбов, посидел на берегу Хан, забрался на телебашню. Везде я думал о том, что великие города похожи друг на друга, отражаются друг в друге, но дьявол, конечно, не в том, чем они похожи, а в лёгких различиях. Гэнгам похож на Пятую авеню, только как если бы небоскрёбы немного раздвинули и между ними сверкали бы столбы света с подушками зелёных деревьев на дне. Хан похожа на Неву: большой город по обоим берегам очень широкой реки, только Хан ещё намного шире и уже не человекоразмерна. Нева архитектурна; Хан — чистая стихия. Берлинская Фернзеетурм как бы собирает вокруг себя городское пространство; сеульская башня парит над ним воздушным шариком на ниточке.

Вечерами я как-то сам собой оказывался в Мьёнгдонге — в любых обстоятельствах сразу протаптываешь себе тропинки, так уж человек устроен. В гостиницу я возвращался с ворохом разноцветных пакетов и пакетиков — складывал их в чемодан прямо так, не разбирая; мне хотелось, чтобы Таня их так и доставала — как будто только что из магазина, со всеми пробниками, флаерами, инструкциями по-корейски и каталогами. С Таней мы переписывались, я бы сказал, пунктирно: то я отправлю сердечко и фоточку, то она спросит, как дела, — и тоже сердечко. Накануне последнего дня я написал ей, что завтра, кажется, после официального закрытия конференции планируется пьянка, а она мне — что как раз завтра собирается пойти гулять с подружками. Меня веселила мысль, что мы с ней будем бухать синхронно — ну почти, учитывая разницу во времени, — на разных концах материка.

Ну и действительно, в последний день, после закрытия, — ещё несколько речей на тему важности взаимодействия культур и необходимости нам, соседним, хотя

и таким разным народам, ближе знакомиться друг с другом. После короткого концерта с национальными костюмами и носовым пением (ибо если есть горловое пение, должно же быть и носовое), после финальной фотосессии для отчётности — повели в традиционный ресторан, где у входа снимают обувь и рассаживаются вокруг низеньких столов-скамеек на подушки, сложив ноги. Я был достаточно деликатен, чтобы ничего не спрашивать про собак, но рядом со мной посадили девушку, которая единственная сносно говорила по-английски, и она сама как бы между прочим удовлетворила моё невысказанное любопытство: суп «четырёх сезонов» и сейчас подают в нескольких семейных ресторанах на окраинах Сеула, но современные корейцы, вообще говоря, такое не едят, это только для стариков и националистов.

Я не мог не оценить её вежливости и предоставил ей сделать для меня заказ на её вкус. Мне принесли суп из крови — в нём плавали кубики кровавого желе, поначалу я испугался, но оказалось вкусно. А потом сто пятьсот маленьких блюдецек с кимчи; это у нас кимчи только капуста, а там всё кимчи — капуста, морковь, огурцы, маленькие крабики, какие-то ракообразные и чёрта в ступе чего ещё — всё кимчи. Что из этого main course, а что закуски, я так и не понял, да особо и не парился. Единственное, что я понял, это что хлеба тут не едят и его заменяет плоская холодного риса. Из Пак Кён Ри я знал, что рис ещё не так давно считался в Корее едой богатеев, и подумал, что, вероятно, остаётся символом богатства и до сих пор; по какой-то подобной логике у нас хозяйка ставит на стол оливье, как бы давая понять, что она не только на Новый год может его себе позволить.

Англоговорящая соседка спросила, что я буду пить, и я спросил, что обычно пьют корейцы. Мне принесли бутылочку ноль тридцать три соджу, слабой водки из батата,

и стакан пива. Водка с пивом. В голове у меня замигал большой красный восклицательный знак, но потом я оценил мудрость корейского народа: напиться этим соджу невозможно, сколько его в себя ни вливай, так что запивать его пивом — единственный способ хоть как-то обмануть голову. И я довольно успешно приступил к этому занятию.

Впрочем, за ужином я ещё держался молодцом. Коллеги через переводчицу обращались ко мне с вопросами, как мне еда, и я отвечал, что очень вкусно, просто пальчики оближешь. Почему-то такой ответ их слегка разочаровывал, и я только потом догадался, в чём дело, — они ждали, что я буду плакать, часто дышать и требовать воды; я же, как назло, всегда любил острое, и никакой воды мне было не нужно. Зато пива я выпил, кажется, три и соджу заказал ещё раз.

Их вежливость требовала спрашивать, как мне Сеул, моя — отвечать *spectacular*, хотя, боюсь, звучало это довольно формально. Мне не хватало английского, чтобы объяснить, что Сеул для меня как бы воплощение инварианта тропического города небоскрёбов с тёплыми ливнями, ночами непроглядной тьмы и неоновом света вывесок, где, спустившись по ступенькам за лапшой, вот-вот встретишь Мэгги Чун. Что мне до смерти хотелось бы поселиться здесь в маленькой квартирке на четвёртом этаже башни на холме с видом на другой берег, спать с открытыми створками окон-дверей, с задвинутыми сетками от насекомых, в клубах горячего влажного воздуха, с крутящимся вентилятором и по утрам спускаться за пол-литровым стаканом кофе со льдом, днём кататься на велике по дорожкам вдоль берега Хан, а вечером сидеть на балконе, курить, стучать по клавишам и вглядываться в чужую кипящую жизнь внизу. Всего этого я не мог объяснить и не стал. К тому же я не был уверен, будет

ли корректно упоминать Карвая. Так что просто говорил spectacular и несколько других таких же слов.

Короче говоря, к концу ужина я довольно сильно поднабрался, но ещё держал себя в руках — думаю, никто особо не заметил. Англоговорящая соседка — для простоты она попросила называть себя просто Мэри — спросила, хочу ли я ещё чего-нибудь. Я сказал, что хотел бы посмотреть какие-нибудь бары, в которых отдыхают местные. Вообще-то я не настаивал, чтобы она поехала со мной, я был готов, чтобы она просто показала мне точку на карте и вызвала такси, но мы всё-таки поехали вместе. Перед тем как уйти из ресторана, я успел отправить Тане фотку соджу с пивом, и она прислала в ответ фотку с бокалами апероля — я понял, что она свой вечер как раз начала.

Мы с Мэри сели в такси и поехали в Итэвон — в любом городе есть специальный район для безудержного пьянства. Первые два бара я помню ещё довольно отчётливо. Помню, в какой-то момент я заказал настоящей водки, чтобы показать Мэри, как пьют русские. Помню, что разговор был достаточно бессистемный, прыгал с одного на другое: то я рассказывал почему-то про своих родителей, то она — почему-то про свою католическую веру. Думаю, я внутренне был готов к тому, что мы вместе поедem и в гостиницу. Не то чтобы мне этого так уж сильно хотелось — я был влюблён, и Мэри, хотя и была очень улыбчивая и харизматичная, но всё же далеко не Мэгги Чун, — но, с одной стороны, есть же какая-то логика развития пьяного вечера, а с другой — вероятно, в возвышенном состоянии духа мне могло показаться, что невежливо будет хотя бы не предложить. К тому же я никогда не спал с настоящей азиаткой и существуют стереотипы об их лёгком отношении к этому делу — наверняка ошибочные и всё же волнующие.

Однако же в какой-то момент я обнаружил себя внезапно без Мэри, убей бог, не помню, как она исчезла, и дальше надирался уже один. Соблазнительно было бы написать историю пьянки с эпитафией из Батая, но, увы, у меня постоянно провалы в памяти в таких случаях. Пока пьянка развивается, внутри неё всё логично какой-то своей логикой восхождения, но потом всё помнишь отдельными сценками и логику приходится реконструировать. Очевидно, я переходил из бара в бар, благо в Итэвоне они через одну дверь во второй, брал рюмочку соджу, сидел за стойками в сверкании неоновых огней и разноцветного стекла. Наверняка искал, не говорит ли кто-нибудь по-английски, потому что на некоторой стадии просыпается пиздабольная железа, и, очевидно, кого-то всё-таки нашёл, потому что среди других сценок есть и такая, где я сижу за столиком с какими-то местными ребятами, и они объясняют мне, что рюмку нужно передавать и брать обязательно двумя руками, потому что одной — это по-корейски плохие манеры. Судя по всему, они повезли меня на Чхонгечхон, потому что самому мне в голову не пришло бы туда поехать, я и не знал про него ничего. Потом, надо думать, ребята исчезли, потому что на следующем кадре я иду по берегу Чхонгечхона уже без них, смотрю на сотни плывущих по нему бумажных фонариков с дрожащими огнями свечей, продираюсь сквозь гомонящую и фотографирующую толпу, и пьяный турист внутри меня пытается сформулировать мысль про то, что Сеул на самом-то деле стоит не на берегу пустого пространства Хан, а по берегам этого узенького, в три прыжка перепрыгнуть, ручья, примерно так же соотносятся Нева и Охта...

Видимо, там я не нашёл, где догнаться, потому что каким-то образом вернулся в Итэвон, причём было уже далеко за полночь, так как в ночной клуб я бы пошёл,

только если бы бары оказались уже закрыты. Я танцую в ночном клубе, летают лучи красных и жёлтых ламп, всё вокруг мигает, искрится, сверкает, у меня в руке оранжевый стакан. С аперолом, надо думать. Обычно я его не пью, стало быть, мне хотелось дать понять Тане, что я тут о ней думаю. Ну да, я и фотку с ним потом в переписке нашёл. Легко догадаться, что мне очень хотелось общаться и я подключился к вайфаю и стал отправлять Тане фоточки и сердечки. Она отвечала мне фоточками и стикерами. Наверное, я ещё был в клубе, когда она написала, что у неё беда, что у неё заблокили карту и она не может расплатиться. Я предложил ей перевести сколько надо, а она написала, что только не на её карту, потому что банк съест все деньги, поэтому подружке на карту, и прислала номер карты подружки. Зная себя, уверен, что мне не хотелось оскорблять любимую подозрениями и даже уточнениями, и к тому же во мне проснулся спонсор, потому что я без разговоров перевёл довольно-таки до хуя, почти всё, что у меня было, и отправил три сердечка, а в ответ получил стикер с красными, сложившимися в поцелуй губками. Видимо, в клубе я по-берлински выпил ещё и энергетик, а может, и не один, потому что спать меня всё никак не тянуло, и даже доехав до гостиницы, я не поднялся сразу в номер, а пошёл к автовокзалу и ещё сидел там в уличной палатке, ел лапшу, смотрел на стариков, которые коротали время в ожидании своих рейсов и убаюкивающе болтали. Было уже почти утро.

Меня разбудили около полудня, я уже опаздывал на самолёт. Внизу, в холле, меня ждала Мэри. Она была улыбочива и приветлива, по её виду нельзя было догадаться, как мы вчера расстались. Сказала, что ей пора было домой и она предложила подбросить меня до гостиницы, но я сказал, что доберусь сам. Завтрак я пропустил, но

ей, конечно, не признался. Она посадила меня в такси и помахала обеими руками.

В такси я мучился головой, в самолёте спал, времени вспоминать подробности вчерашнего вечера не было. Ну и только когда я приземлился в Москве, то сразу и всё вспомнил, и всё понял, и Таня к тому же наконец до меня дозвонилась.

Одним словом, все эти пять дней в Сеуле я переписывался не с ней, а с мошенником, угнавшим её аккаунт в день моего перелёта. Денег было жалко, я даже вышел по знакомству на какого-то спеца, но тот скорее был в восторге от мошенника, его ума и выдержки. «Это ж надо, — говорит, — прочитал всю вашу переписку, всё спланировал, рискнул и не торопясь добился своего...» В общем, винить некого, кроме себя самого.

Таня очень обрадовалась чемодану с косметикой, впрочем, кажется, она её в основном раздарила подружкам, а через пару недель ушла от меня и вернулась к бывшему. Получилось, что я слетал в Сеул, а она от своего хахаля сходила в отпуск ко мне. Сказала, что я слишком много бухаю.

Так я к чему — «Игра в кальмара». Не то чтобы мне так уж понравился сериал: эрзац несложной мысли. Но я с нежностью вспомнил Сеул с его новоделными древностями, современным искусством, разноцветными неоновыми огнями и соджу с пивом.

Хоркхаймер ставит трезвенничество в один ряд с нумерологией и теософией, а я всегда был чужд всякого сектантства.